

Се Миншань знала, что Фэн Цайцзе уже был нижним пределом, и она не ожидала, что будет жить там. Хотя ее считали опасным человеком, она все равно была очень благодарна Се Цяньнин за то, что она так с ними разговаривала: "Кузина, мастер Фэн может не заботиться о прошлом со мной, я ему очень благодарна, тебе не придется больше его смущать, а я, возможно, не привыкла жить в таком доме, и мне немного страшно, поэтому нам с мамой лучше вернуться жить обратно."

Се Цяньнин знал, что Фэн Цизе не согласится, чтобы Се Миншань и Нин Янь жили там, поэтому он больше не просил об этом. Он достал кошелек Фэн Цайцзе и дал им немного денег: "Тетушка Нин, Миншань, вы можете пока оставить эти деньги у себя. Этого будет достаточно, чтобы использовать их в течение некоторого времени. Когда дядя вернется, вы сможете воссоединиться как семья. Тогда вы станете очень счастливой семьей".

Нин Янь посмотрела на деньги, и ей было стыдно протянуть руку, чтобы взять их, поэтому она легонько подтолкнула Се Миншаня, чтобы он позволил ей взять их.

Се Миншань стеснялась взять деньги, не могла протянуть руку и смущенно опустила голову, чувствуя себя очень стыдно.

"Это все семья, не смущайся, возьми". Се Цяньнин просто дал Се Миншань деньги, не достаточно беспокоясь, поэтому он взял немного из кошелька и дал ей.

"Кузина, хватит, хватит, слишком много". Се Миншань поспешно остановил ее, все больше чувствуя, что она не человек. Насколько хороша кузина, как она могла терпеть те вещи, которые причиняли ей боль?

"В любом случае, это не много. Ты можешь использовать его пока. Когда дядя вернется, ты сможешь пойти в сад, чтобы помочь ему. Дела в дядином саду идут хорошо. Как он может быть занят один?"

"Кузина..." Это чувство, когда о тебе заботятся родственники, очень приятно.

"Хорошо, хорошо, не плачь больше. Сначала вернись. Если ты хочешь узнать о своем дяде, ты можешь прийти сюда и снова найти меня завтра. Я расскажу тебе. Может быть, мы сможем вместе спасти дядю".

"Кузен, спасибо, спасибо, спасибо, что не заботишься о том, что я делал раньше, спасибо, что не ненавидишь меня, спасибо, что помогаешь мне". Се Миншань была действительно тронута до слез, и в то же время это были сожалеющие слезы, ненависть к прежней себе.

По сравнению с прошлым, она была намного уродливее своей кузины, настолько уродливее, что хотелось зарыться в яму и никогда не вылезать.

"На самом деле, я также хочу сказать тебе спасибо. Если бы не ты, возможно, я бы до сих пор была предана Вэнь Шаохуа и даже вышла бы за него замуж. Я жестокосердный человек. Пока я это осознаю, я не смогу легко измениться. Если ты сливаешься с нами, я буду скучать по маленькой обезьянке. Это ты дал нам шанс быть вместе. Твоя заслуга в том счастье, которое у меня есть сейчас, поэтому я тоже хочу сказать тебе спасибо".

"Кузен..."

"Мингшан, ты еще молод, и у тебя еще есть шанс найти свое собственное счастье, так что не

иди по неправильному пути, понимаешь?"

"Я знаю."

"Пока еще темно, ты можешь вернуться. Ты можешь поймать такси вскоре после того, как выйдешь на улицу. Будь осторожен". Се Цяньнин знал, что Фэн Цайцзе не захочет отправлять Се Миншаня и Нин Янь обратно, поэтому он не стал этого предлагать. Они сами поехали на такси.

Се Миншань, естественно, понимает это. Фэн Цайцзе достаточно благодарна, чтобы расплатиться с ними, независимо от того, что произошло раньше. Она не смеет ничего ожидать. "Кузина, тогда мы с мамой вернемся первыми. О новостях ты просто сообщи нам".

"Ты вернешься первой, если будут новости от дяди, я сообщу вам".

"Мама, пойдем".

"Хорошо." Нин Янь специально посмотрела на Фэн Цайцзе, прежде чем уйти, и почувствовала, что от него исходит сильный холод, и она не могла избавиться от чувства страха, поэтому она ускорила шаг и ушла.

Когда мать и дочь ушли, Дай Фангронг сразу же недовольно сказал: "Цянь Нин, ты не можешь доверять им на основании их признания. Что, если существует какой-то заговор? Ты не будешь иметь никаких контактов с этими двумя людьми в будущем. Ты знаешь?"

"Мама, маленькие обезьянки считают, что они искренне признали свои ошибки. О чем ты беспокоишься?" Се Цяньнин думала о лучшем, и надеялась, что Се Миншань и Нин Янь действительно признают свои ошибки. Только когда они действительно признают свои ошибки, дяди смогут наладить отношения и остаться вместе как семья.

"Если Qize действительно верит, что они искренне признают свои ошибки, разве им не позволят жить? Неважно, ради безопасности я не позволю тебе общаться с матерью и дочерью".

"Я мало общался с ними. Даже если вы точны, боюсь, что контакта не будет. Сейчас самое главное - спасти моего дядю, а не эти мелочи".

"Для меня твой покой и безопасность - это большие вещи, а все остальное - мелочи. Через три месяца у тебя будет ребенок, поэтому в течение этих трех месяцев я не позволю ни одному опасному человеку подойти к тебе слишком близко. "

"..."

Се Цяньнин только посмеялась над нервной энергией Дай Фангронга, не обращая внимания на нее, втайне переживая за нынешнее положение Се Чжэнфэна в своем сердце, молясь, чтобы он был в безопасности.

Фэн Цайцзе видел ее мысли. Он не очень беспокоился о том, что Се Чжэнфэна похитили, но, видя, как она волнуется, ему стало не все равно, и он даже испугался, что у Се Чжэнфэна может быть что-то на этот случай, потому что это причинит ей боль. Большое влияние.

Похоже, он должен решить, что делать, чтобы не позволить похитителям получить слишком

большое преимущество и не позволить себе слишком сильно страдать.

Снова прошел день ожидания. На следующее утро Се Цяньнин получил звонок с незнакомого номера. Он знал, что это от похитителя, поэтому без колебаний нажал кнопку ответа, но он не знал, что он услышал. Это Хун Шина.

Хун Шина больше не обходила, но согласно плану, она позвонила Се Цяньнину напрямую, чтобы уточнить вопрос: "Се Цяньнин, если ты хочешь спасти своего дядю, то призови 60% капитала империи семьи Фэн".

"Хун Шина, ты похитила моего дядю".

"До сих пор мне нечего отрицать. Да, я похитила твоего дядю. Ты был готов потратить 1 миллиард, чтобы спасти Фэн Цайцзе. Я не знаю, далеко ли на этот раз до спасения с 60% капитала. Где твой дядя?"

"Что ты делаешь, чтобы запечатать капитал империи?"

Фэн Цайцзе сидел рядом и ясно слышал, что сказал Се Цяньнин. Он уже понял, что происходит, поэтому взял телефон и строго предупредил: "Хун Шина, тебе лучше отпустить людей, иначе я позволю тебе отправиться в ад".

Хун Шина была шокирована, когда услышала предупреждение Фэн Цайцзе от такого сурового холода. Она вдруг почувствовала страх, но вскоре он был подавлен ею. Она смело сказала: "Фэн Цайцзе, я слышала слишком много предупреждений. Слишком много, я устала слушать, и мне надоело слушать. Короче говоря, я хочу спасти Се Чжэнфэна и обменять 60% капитала империи Фэнши, иначе он будет собран. Завтра в 8 часов вечера Се Цяньнин займется этим один. Приходи в назначенное место с письмом о передаче капитала".

"Невозможно." Пусть Цянь Нин едет один, он скорее позволит Се Чжэнфэну умереть.

"Дай телефон Се Цяньнин, я скажу ей".

"Не думай об этом". Фэн Цайцзе не мог принять просьбу Хун Шина и просто положил трубку.

Се Цяньнин, увидев, что он положил трубку, поспешно схватил ее и сердито крикнул: "Маленькая обезьянка, почему ты бросила трубку? Ты наконец-то дождался этого звонка. Почему бы тебе не сделать с ней хорошую сделку?".

Он не хотел, чтобы она держала трубку, чтобы Хун Шина не позвонила снова. Он пришел, чтобы пригрозить ей, поэтому он выхватил телефон обратно и сурово сказал: "Я не согласен с ее просьбой, поэтому нет необходимости говорить больше".

"То, что она хочет, это 60% капитала империи семьи Фэн. Человеческая жизнь - это вопрос жизни. Неужели в твоём сердце деньги важнее жизни?"

"Она хочет, чтобы ты поехал один, как ты думаешь, я могу согласиться?" Он не сказал ей.

"Что?" Попросить ее поехать одну, не значит ли это умереть, для Хун Шины это было бы слишком.

После того, как Дай Фангронг долгое время слушала его, она, вероятно, поняла, что

происходит. Он согласился с подходом Фэн Цайцзе: "Цайцзе права, я не могу согласиться. Хун Шина хочет, чтобы ты пошел один. Ясно, что я хочу разобраться с тобой. Мы не можем отпустить тебя просто так. Умереть".

"А как же дядя?" Се Цяньнин тоже была очень смущена. Она хотела спасти дядю, но не хотела подвергать себя опасности. В конце концов, у нее в животе еще теплилась жизнь. Если бы она пошла одна, Хун Шина точно не отпустила бы ее живот. Ребенок в доме.

"Предоставь это судьбе, Цяньнин, ты уже достаточно сделала, не рискуй больше, понимаешь?".

"Но я хочу спасти дядю, Обезьяна, подумай об этом, что еще я могу сделать, чтобы спасти дядю, хорошо?"

"Цель Хун Шины не достигнута, и она никогда ничего не сделает своему дяде. Не волнуйся. Если ты пойдешь один, ты не только не сможешь спасти дядю, но и можешь быть пойман Хун Шиной. Это дело не терпит отлагательств. Потребляй". Фэн Цайцзе хотел только спасти Се Цяньнин в это время, и у него не было времени заботиться о Се Чжэнфэн. Он никогда бы не позволил ей рисковать, пока не подумал о лучшем из двух миров.

"Может ли это дело быть поспешным? Если Хун Шина и вправду будет лечить своего дядю, я буду ненавидеть себя до конца жизни". Но если ей не удастся спасти ребенка, она будет ненавидеть себя до конца жизни, что действительно является дилеммой.

"Этот вопрос не обсуждается. Я никогда не отпущу тебя к Хун Шине одну. Мама, с этого момента мы будем по очереди присматривать за ней и не позволим ей общаться с Хон Шиной или отпускать ее одну".

"Хорошо, я согласна с этой идеей". Дай Фангронг ответила без колебаний, глядя на Се Цяньнин широкими глазами, намереваясь пристально следить за ней и не позволять ей рисковать.

"Маленькая обезьянка, прекрати создавать проблемы и быстро придумай решение. Не волнуйся, я не буду шутить. Даже если я не буду думать о себе, я должна думать о ребенке в моем животе!

Не беспокойтесь обо мне, или Придумайте способ, я сам о себе позабочусь". Се Цяньнин изо всех сил пытался убедить Фэн Цайцзе найти способ спасти людей, и она верила, что у него найдется способ.

"Если ты мне веришь, то предоставь это мне, и я обещаю спасти дядю, но обязательным условием будет то, что ты не сможешь шутить, а тем более встречаться с Хун Шиной наедине". Фэн Цайцзе попросил, хотя в душе я планировал хорошо за ней понаблюдать, но все же попрошу об этом.

"Я верю тебе, я обещаю тебе."

()